

НА ВСТРЕЧУ
ЛЕШЕ
ОГРАНИЧЕН-
БАЛЬЦЕ-

КАКОЕ ГОСУДАРСТВО ЛУЧШЕ ЗАЩИЩАЕТ

НОМУ
РОВИЧ

ПРАВА И СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ

ГОСУДАР-

И СОЗДАЕТ НАИБОЛЕЕ БЛАГОПРИЯТНЫЕ УСЛОВИЯ

СТВУ

ДЛЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА И ПРОЦВЕТАНИЯ?

Лешек Бальцерович

**Навстречу ограниченному
государству**

«Новое издательство»

2007

Бальцерович Л.

Навстречу ограниченному государству / Л. Бальцерович —
«Новое издательство», 2007

Книга архитектора польской либерализации 1990-х годов и одного из крупнейших либеральных политиков XX века Лешека Бальцеровича обосновывает радикальное ограничение государственных функций в качестве оптимальной модели государства, самым эффективным образом обеспечивающей защиту прав и свобод личности и в наибольшей степени способствующей экономическому росту и процветанию. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие	5
Навстречу ограниченному государству	7
1	7
2	8
3	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Лешек Бальцерович

Навстречу ограниченному государству

Предисловие

Последовавшие за крушением коммунистического строя события, которые часто называют посткоммунистической трансформацией, стали определяющими в современной истории каждой из вовлеченных в них стран. Впрочем, даже в сравнении с другими историческими периодами преобразований эти реформы носят уникальный характер. Во-первых, они отличаются своими гигантскими масштабами. Ведь речь в данном случае идет об изменении политического строя (демократизации, утверждении верховенства закона), экономической системы (переходе от административно-командной экономики к рыночной), радикальном расширении гражданского общества и либерализации средств массовой информации. Ключевым звеном этих реформ стал демонтаж и переустройство коммунистического «партийного государства» – структуры, самым систематическим и жестким образом подавлявшей любые индивидуальные свободы, как экономического, так и внеэкономического характера. Во-вторых, реформы по всем этим направлениям осуществлялись одновременно, в отличие от ряда западных стран, где в свое время наблюдалась совсем иная последовательность аналогичных перемен: там формирование капитализма и утверждение верховенства закона предшествовали переходу к массовой демократии. В-третьих, и за это, учитывая величайшую глубину происходящих изменений, следует благодарить Бога, посткоммунистическая трансформация произошла относительно мирным путем. Это действительно была бескровная революция.

Перемены исторического масштаба никогда не происходят по некоему единому плану. Как правило, они становятся результатом борьбы конкурирующих концепций, групповых интересов, содержат немалую долю случайности и непредвиденных последствий. Все это, однако, не отменяет необходимости и желательности иметь в качестве ориентира общую концепцию – «системную цель», или институциональную модель, которая должна возникнуть в результате преобразований. Об этом я пишу в статье «Навстречу ограниченному государству». В ней я показываю, что традиционные концепции экономической теории – понятия «общественных благ» и экстерналий – не дают четкого ответа на важнейший вопрос: каков оптимальный масштаб государства? Эти концепции несостоятельны применительно к реальной обстановке и имеют тенденцию преувеличивать оптимальные «размеры» государства. То же самое можно сказать и о большинстве теорий современной политической философии, в том числе знаменитых трудах Джона Ролза. В попытке определить оптимальные масштабы государства следует скорее полагаться на самоценность индивидуальных свобод, особенно экономической свободы и ее основы – права частной собственности. Другим ориентиром в интеллектуальном поиске оптимальных масштабов государства служит функциональная ценность экономической свободы. В статье я показываю, что государство, гарантирующее и активно отстаивающее максимальный уровень такой свободы – ограниченное государство, – обеспечивает лучшее функционирование общества по сравнению с другими моделями государственного устройства, для которых характерно широкое понимание государственных полномочий, в том числе и теми, что преобладают сегодня на Западе. Посткоммунистическим странам, если они хотят быстро догнать экономически развитые общества, следует не имитировать модели, существующие сегодня на Западе, а стремиться к построению куда более ограниченного государства. И они должны использовать любую возможность, чтобы укоренить именно этот тип государства – как за счет его закрепления в конституции, так и за счет различных международных обязательств, ограничивающих государственный произвол.

В другой моей статье, включенной в этот сборник, «Переходный период в посткоммунистических странах: некоторые уроки», делается попытка обобщить опыт реформ в государствах бывшего советского блока после крушения коммунизма. Обширный массив эмпирических данных свидетельствует о резком расхождении экономических и внеэкономических показателей уровня жизни в различных посткоммунистических странах. Более того, государства, добившиеся более высоких темпов экономического роста, как правило, демонстрируют и лучшие результаты в области здравоохранения, охраны окружающей среды и др. В связи с упомянутыми фактами возникает фундаментальный вопрос: в чем причина столь существенных различий в экономических показателях, особенно в отношении роста? Данные эмпирических исследований явно указывают на то, что главное здесь – разный накопленный объем рыночных реформ, или – если сформулировать это иначе – разница в дистанции, пройденной на пути к ограниченному государству. Чем больше та или иная страна приблизилась к этой модели, тем выше – в среднем – достигнутые ею результаты с точки зрения экономического роста.

В связи с вышеупомянутой темой возникает и другой вопрос: почему более высокие экономические достижения сопровождаются лучшими результатами и в других сферах? Чтобы ответить на него, необходимы новые эмпирические исследования. Однако уже имеющаяся у нас информация позволяет выдвинуть гипотезу о том, что некоторые важнейшие реформы способствуют не только экономическому росту, но и, скажем, улучшению экологической ситуации. К примеру, создание рыночной конкурентной среды и связанные с этим жесткие бюджетные ограничения побуждают предприятия экономить на производственных затратах, в том числе связанных с экологически вредными технологическими процессами. А утверждение, хотя бы частичное, принципа верховенства закона повышает шансы на то, что экологическое законодательство будет реально выполняться.

Я очень рад тому, что благодаря Институту Катона российский читатель сможет познакомиться с этими двумя статьями. Надеюсь, они внесут свой, пусть и скромный, вклад в дискуссию о дальнейших реформах в России.

Навстречу ограниченному государству

1

Институциональные системы и государство

Опыт истории показывает, что любая многочисленная группа людей, постоянно проживающая на определенной территории, имеет свод коллективных правил, а в обществах более современного типа существует и система институтов, отвечающих за взаимодействие между его членами, урегулирование конфликтов и вопросы обороны. Некоторые из подобных институциональных систем называются «государствами». Ответ на вопрос о том, какая группа создала собственно государство, а какая – «безгосударственную» институциональную систему, естественно, зависит от того, что мы подразумеваем под государством. Наиболее широкое пространство получило определение Макса Вебера: государство существует там, где есть специальный аппарат, обладающий монопольным правом применять силу на данной территории (Weber 1922: 29–30)¹. Структуры, не отвечающие этим условиям, государствами не признаются. Скажем, благотворительный фонд – это не государство, а вот «государство всеобщего благосостояния» под эту категорию подпадает. В соответствии с определением Вебера, структуры, где правящая группа совершает преступления против других людей, населяющих ту же территорию, все равно являются государством, хотя и «хищническим» (как, например, Республика Заир под властью Мобуту Сесе Секо).

Автор выражает благодарность Симеону Джанкову, Якубу Карновскому, Ричарду Мессику, Яцеку Ростовскому Анджею Ржонке и Андрею Шлейферу за ценные замечания и предложения по содержанию статьи. Статья представляет собой доработанный вариант текста лекции, опубликованного Всемирным банком (Balcerowicz 2003). Впервые: *Balcerowicz L. Toward a Limited State // Cato Journal. 2004. Vol. 24. № 3.*

За отправную точку дискуссии об оптимальных масштабах деятельности государства можно взять концепцию «минимального государства», принадлежащую Роберту Нозіку, – это государство, чьи полномочия ограничиваются «функциями защиты всех граждан от насилия, воровства и мошенничества, а также надзора за соблюдением контрактных обязательств» (Nozick 1974: 26).

¹ Кревельд несколько сужает определение Вебера, добавляя еще один критерий: государство должно иметь собственную правовую идентичность (Creveld 1999:1).

2

Существует ли единая для всех модель оптимального государства?

Зависит ли форма оптимального государства от характеристик существующих государств или обществ, в которых они сформировались? К примеру, должно ли государство в бедных странах иметь больше (или меньше) функций, чем в богатых? Влияет ли на оптимальный масштаб деятельности государства этнический состав населения и связанный с этим уровень напряженности в обществе?

Другой вопрос звучит так: является ли оптимизация функций государства следствием демократического процесса? Если это так, то можно предположить, что в некоторых обществах для оптимального функционирования государства необходим больший упор на перераспределение богатств, пусть даже и в ущерб экономическому росту, а в других рост, наоборот, имеет приоритетное значение. Однако оценивать действия государства по принципу «большинство всегда право» – дело рискованное, поскольку это подразумевает необходимость соглашаться с любым решением большинства – в том числе о репрессиях против меньшинств, экспроприации богатств или конфискационной системе налогообложения. Таким образом, принцип власти большинства должен действовать с оговорками, а следовательно, возникает необходимость выработки других критериев, определяющих масштаб действий государства.

Ответ на вопрос, различается ли модель оптимального государства для разных обществ, во многом зависит от того, существуют ли фундаментальные различия между людьми, принадлежащими к разным сообществам. На мой взгляд, сама человеческая природа предопределяет сходные варианты мотивации и познания мира, а потому и модель оптимального государства для всех обществ в основном одинакова. Политика, построенная на противоположной точке зрения – к примеру, на тезисе о том, что в бедных странах государство должно больше вмешиваться в экономику, поскольку бедные крестьяне слабо реагируют на стандартные экономические стимулы, – стала одной из главных причин неспособности стран третьего мира выбраться из нищеты (Bauer 1976; Schultz 1980). Еще более серьезную ошибку совершили марксисты, полагавшие, что ликвидация частной собственности позволит создать более совершенного «нового человека».

Из последних заблуждений этатистов следует упомянуть концепцию, согласно которой необходимость усиления государственного регулирования в бедных странах обосновывается информационными дефектами их рынков (т. е. недостаточной образованностью населения). Подобные рекомендации вызывают недоумение, ведь в развивающихся странах государственное регулирование уже намного превышает уровень, который можно было бы оправдать необходимостью повышения эффективности функционирования экономики (Djankov et al. 2002). К тому же следует учитывать возможность того, что некоторые элементы оптимального «набора» функций государства могут делегироваться внешним структурам, например, международным организациям. Тогда возникает вопрос об оптимальном распределении этого набора государственных функций, а вместе с ним и вопрос об изменении роли независимого государства как такового. Именно эти проблемы лежат в основе дебатов о конституции Европейского союза (Crevelde 1999: 402–421; Mathews 1997: 50–65).

3

Критерии, определяющие оптимальное государство

Общепринятый в экономической науке подход к определению оптимального набора функций государства следует признать неудовлетворительным². В частности, экономисты, например Джозеф Стиглиц, утверждают, что «первостепенная задача государства» состоит в обеспечении правовой основы, «в рамках которой происходят любые экономические трансакции» (Stiglitz 1988: 24), но при этом фактически не упоминают о том, каким должно быть содержание такого рода законов и каким образом государство может повлиять на желательность или эффективность их применения. Бросается в глаза и полное отсутствие упоминаний о негосударственных механизмах соблюдения законов и их взаимосвязях с механизмами государства. Создается впечатление, что урегулирование всех конфликтов в экономической жизни общества является исключительной прерогативой государства. Однако подобное впечатление не соответствует данным эмпирических исследований (см., например: Greif 1997; Gow, Swinnen 2001; Waldmeir 2001).

Подобная неразбериха связана с использованием концепции «общественного блага», общего для всех и потребляемого на неконкурентной основе (Samuelson 1954: 387–389). Ради самого обеспечения общества подобными «благами» необходимо налогообложение, а следовательно, и принуждение со стороны государства. Но какие блага можно назвать «общественными» в полном смысле слова? Является ли система правосудия прерогативой государства потому, что ее услуги представляют собой «общественное благо»? Но ведь некоторые юридические услуги к этой категории явно не относятся. Тогда какие «услуги правосудия» следует считать «общественным благом», а какие нет? А маяк – этот хрестоматийный пример «общественного блага» – является ли на самом деле таковым? Рональд Коуз в своей работе продемонстрировал, что в XIX веке маяки в Британии управлялись и финансировались частными фирмами (Coase 1974). Несмотря на эти данные, маяк во многих учебниках по-прежнему приводится как наглядный пример «общественного товара» (см., например: Stiglitz 1988: 75).

В реальной жизни, возможно, присутствует куда меньше «общественных благ», чем это принято считать. Таким образом, необходимые (или желательные) рамки деятельности государства, вероятно, также следует сузить. Некоторые блага, которые называют «общественными», на деле, вероятно, являются частными, и в ведении государства они оказались из-за вмешательства последнего в экономику, ликвидировавшего или подорвавшего возможности для их добровольного частного финансирования. Другими словами, некоторые интерпретации понятия «общественное благо» неизбежно представляют собой оправдание задним числом уже свершившегося факта – расширения функций государства.

² Я подвергаю критическому анализу в первую очередь книгу Стиглица (Stiglitz 1988), поскольку среди работ сторонников подобного подхода она отличается наиболее высоким научным уровнем. Труды других ученых вызвали бы еще больше замечаний.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.